

Голышев В

1985

КРЕДИТСКАЯ КУЛЬТУРА
Москва

5 сентября 1985 г. 5

ГОВОРИТЬ ПО СОВЕСТИ...

**Борис Плотников оказался
пятисотым претендентом на роль
Сотникова. Пятисотым
и последним.**

Конечно, проще всего начать с «Восхождения». Тогда много говорили и писали о дебюте на экране Бориса Плотникова. Актер был для кинематографического зрителя совершенно неизвестным.

...Затаив дыхание, необыкновенно собравшись внутренне, как-то устремившись вперед, словно бы впитывая музыку, Борис слушает Виктора Третьякова. Невольно бросив взгляд на длинные и нервные пальцы актера, вижу, что пальцы левой руки бегут по незримой скрипичной деке, как бы повторяя то, что делает на эстраде скрипач. Борис внутренне «проживает» концерт Брамса, и бег пальцев по незримой деке определенно свидетельствует о том, что он не просто слушает. В антракте, будто оправдываясь, Плотников говорит, что если б ему довелось играть роль человека со скрипкой, то хотелось бы идти в поиске от сути личности Третьякова.

Поначалу и казалось, что будущее Бориса Плотникова будет связано с музыкой. «С чем-то музыкальным», как, улыбаясь, поясняет он сам. А все сложилось иначе. Буквально перед экзаменами на аттестат зрелости он вдруг понял, что хочет стать актером. Актером — и никак больше. И вот тощий, долговязый юноша с огромными, «в пол-лица», глазами предстал перед приемной комиссией Свердловского театрального училища и неожиданно для всех был принят. А спустя четыре года успешно дебютировал на сцене Свердловского театра юного зрителя, причем, что любопытно, особенно удачно — в «музыкальной» роли кота Базилио в «Золотом ключике». Разнообразных ролей на сцене было много — известно, как часты премьеры в тюзях. Высокая романтика (Фердинанд в «Коварстве и любви» Шиллера) органично совмещалась с музыкальной эксцентрикой (герцог Бэкингем и Арамис в «Трех мушкетерах»), а героиня (Павка Корчагин) с современными пьесами о подростках. Однако... Как раз напротив дома, где жил Борис, находилась Свердловская киностудия. Нужно ли особо подчеркивать, что каждый актер, особенно молодой, хочет сниматься в кино? Борис не был исключением. И когда он вместе с коллегами и товарищами приходил на студию, чтобы попасть хотя бы в массовку, именно его первым отводили в сторону: не подходит, внешность «не та», некиногеничен...

Спустя несколько лет, после дебюта Плотникова в «Восхождении», Лариса Шепитько напишет о нем: «...Главное, что поразило меня при встрече, — глаза Бориса: они выдавали способность к внутренней работе. Дело в том, что духовность человека предполагает в первую очередь способность именно к внутренней работе. И если роль (такая, как Сотников) почти лишена внешних выразительных средств — поступков, неожиданно острого характера, речевых характеристик, то о духовности могут сказать только глаза. И еще. Способность в статике, в молчании не столько обращать на себя внимание, сколько притягивать окружающих... Здесь люди, даже сопротивляясь, должны подпасть под магнетическое воздействие молчащего Сотникова. А Борис Плотников умел молчать. Он мог молчать и этим был необыкновенно притягателен...».

Всего за несколько дней до неожиданной телеграммы с вызовом на «Мосфильм» (Плотников сначала принял ее за розыгрыш, но за первой телеграммой последовали вторая, третья) его опять не взяли в массовку на Свердловской студии — не подходит, некиногеничен, неинтересен...

Было и другое. Войдя в комнату съемочной группы «Мосфильма», Борис остановился пораженный: на мольберте стоял его портрет работы художника будущего фильма Юрия Ракши!.. Портрет, созданный не по маленькой любительской фотографии, по которой нашла актера ассистентка режиссера, а по мысли, видению самой Шепитько.

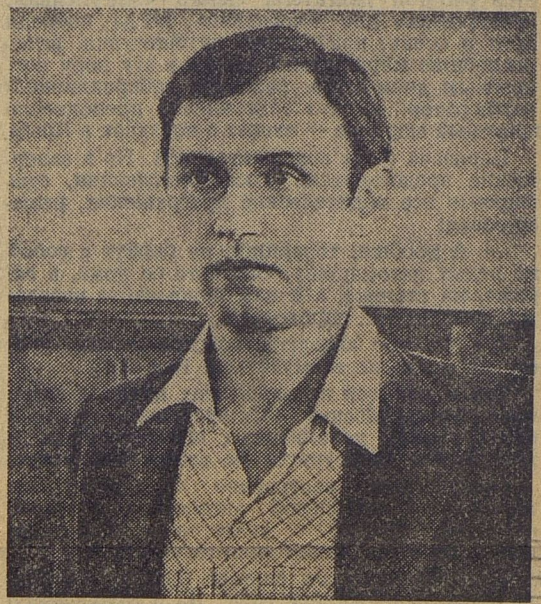
И сейчас образ партизана Сотникова, человека высокой духовности, гуманности, внутренней красоты, стал в самом деле хрестоматийным, обойдя многие экраны мира. А сам Борис, безоговорочно отдавая приоритет решению этого характера Ларисе Шепитько, гордо сказал однажды, что в День Победы его отец расписался на рейхстаге, а в 1977 году и ему, актеру, довелось победоносно «дойти до Берлина». Это было на международном фестивале в Западном Берлине, где «Восхождение» получило высший приз — «Золотого медведя», и зал, стоя, аплодировал Ларисе Шепитько и ему. «Вот тогда я по-настоящему, с особой остротой осознал чувство Родины», — признается Плотников.

Успех «Восхождения» мог бы совсем иначе повлиять на Бориса, чем оказалось в самом деле. Приглашенный работать в Москву, в Театр сатиры, получая предложения сниматься, он не торопился, выбирал, ждал, искал, отказываясь, не позволяя себе размениваться даже на весьма заманчивые, но все-таки повторы.

Если посмотреть, какие экранные (в кино и на телевидении) роли были им сыграны в это время, легко убедиться, что каждая из них не была для него случайной, ни одна не повторила уже найденного. Немногие актеры могут «похвастаться» такими творческими результатами. Я намеренно взяла слово «похвастаться» в кавычки, ибо оно не имеет никакого отношения к характеру Бориса Плотникова.

И вместе с тем в его героях есть нечто общее — все они, как бы сказать, ведут линию родства от Дон Кихота Ламанчского и все раскрываются в своем духовном поиске в моменты напряженные, экстремальные.

Творческий порыв художника Андрея Лагутина («Накануне премьеры»), неожиданное пробуждение к активной деятельности в аполитичном поначалу молодом петербуржце, ученом-фольклористе Андрее Белорещком, попавшем в глушь старого белорусского Полесья («Дикая охота короля Стаха»), мудрость и гражданственность пронзительности Иконописца, сподвижника Емельяна Пугачева («Емельян Пугачев»), огромное чувство немецкого

журналиста Манфреда Доманна, попавшего в Советскую Россию вскоре после революции и нашедшего здесь свою любовь, которую он пронес через всю жизнь («Две главы из семейной хроники»).... Какие разные характеры, разные эпохи!

На обсуждении телевизионного фильма «Дульсинея Тобосская», в котором актер сыграл средневекового студента Лунса, Ролан Быков особо подчеркнул, что Плотников всегда «вписывается» и в эпоху, и в стилистику фильма.

Впрочем, не только на экране, но и на сцене. На сцене Театра сатиры Борис Плотников живет совсем в иной стилистике, иных жанровых вариантах, иной пластике — тут и Петя Трофимов в «Вишневом саде», и Глузов в «Бешеных деньгах», и Москвич в спектакле «Роденьки мои» по пьесе А. Смирнова, и трогательно-смешной Ларичев в «Феноменах» Гр. Горина.

Актер обладает явным авторским началом. Его творческие предложения, как правило, охотно принимаются режиссерами. Импровизационный дар его щедр. А решения часто не только убедительны, но и виртуозны по исполнению. И уж если он в чем-то убежден, будет спорить, как говорится, до конца. Будет доказывать, отстаивать, бороться. В этом отношении он, можно сказать, «неудобный» актер. Впрочем, неудобный — для режиссеров, привыкших работать по инерции, по накату. Плотников же ищет единомышленников. И находит. Даже через споры, через тернии, которые в лучшем результате, как известно, ведут к звездам. Так было, когда пригласили озвучить вгиковскую короткометражку по «Очеркам бурсы» Помяловского. После споров до хрипоты с молодым режиссером Миханлом Ведышевым (а ведь чуть не разошлись вообще тогда!) — настоящее содружество.

Теперь актер грустно признается, что есть роли, которые от него уже безнадежно ушли, хотя бы из-за возраста, — Ромео, Гамлет, да и не только они. И, конечно, мечтает о Достоевском — это его писатель. Очень много читает. Прекрасно знает поэзию. Не расстается с музыкой. Не пропускает ни одной интересной выставки.

Кроме Сотникова и Лагутина, кино- и телероли Плотникова — очень современные по мироощущению, звучанию — все-таки «паспортно» прописаны в далеких от нас временах. И бытовало даже такое мнение, что этого актера и надо более всего использовать в фильмах о прошлом. Однако в последний год Плотников ярко воплотил характер современника — молодого инженера, пребывавшего в своего рода «спячке» до поры, пока ему не доверили сложное и ответственное дело, — в фильме В. Черныха и Э. Ясана «Дублер начинает действовать». Образ инженера Костина и интеллигентный характер другого инженера Бутенко по прозвищу «Параграф» («Обвинение») открыли нам способность актера к точному социально-психологическому портретированию современника. Эти роли помогли и самому актеру углубить ту самую тему ответственности, долга, совести, которая волнует его с первых дней прихода и в театр, и в кино.

«Остросовременная, сиюминутная ситуация, в «Дублере...» или «Обвинении», к примеру, ситуация производственная не замыкается на отдельном конкретном случае, — подчеркивает Борис Плотников, — а каждого поощряет к размышлению о жизни, какой бы профессиональной ни занимался. Собственно, речь идет о совести, о нравственном совершенствовании человека, об активной гражданской позиции, а мне это очень близко...»

Н. ЛАГИНА.

● Кадры из фильмов «Восхождение» и «Дублер начинает действовать».